

Въ одномъ изъ № Лип. Газеты упоминали о Запискахъ Парижскаго палача: нравственныя сочиненія Видока, полицейскаго сыщика, суть явленіе неменѣ опривражнительное, неменѣ любопытное.

Представьте себѣ челоука безъ имени и приспанища, живущаго ежедневными донесеніями, женашаго на одной изъ стѣхъ несчастныхъ, за которыми по своему званію обязанъ онъ имѣть присмотрѣ, опъявляющаго плуша, столь же безстыднаго какъ и гнуснаго, и потомъ вообразите себѣ, если можете, что должны бышь нравственныя сочиненія шакаго челоука.

Видокъ въ своихъ запискахъ именуетъ себя патриотомъ, кореннымъ Французомъ (*un bon Français*), какъ будто Видокъ можетъ имѣть какое нибудь опечеснво! Онъ уврляетъ, что служилъ въ военной службѣ, и какъ ему не только дозволено, но и предписано вслече-ски переодѣваться, то и щеголяеть орденомъ Почетнаго Легиона, возбуждая въ кофейняхъ негодованіе честныхъ бднниковъ, сосполящихъ на половинномъ жалованьи (*officiers à la demi-solde*). Онъ нагло хвастается дружбою умершихъ извѣстныхъ людей, находившихся въ сношеніи съ нимъ (кто молодецъ не бывалъ? а Видокъ челоуекъ услужливый, дьловой). Онъ съ удивительной важностию толкуеть о хорошемъ общеснвѣ, какъ будто входитъ въ оное можетъ ему бышь дозволено, и строго разсуждаеть объ извѣстныхъ Писателяхъ, опчаспи надьясь на ихъ презрѣніе, опчаспи по разсчету: сужденія Видока о Казимирѣ де ла Винь, о Б. Конспань, должны бышь любопытны именно по своей нелюпости.

Кто бы могъ повѣривъ? Видокъ честолобивъ! Онъ приходитъ въ бышенство, чиная неблагоклонный опзывъ Журналистовъ о его слогѣ (слогъ Г-на Видока!). Онъ при семъ случаѣ пишеть на своихъ враговъ доносы, обвиняеть ихъ въ безнравственности и вольнодумствѣ, и толкуеть (не въ шушку) о благородствѣ чувствъ и независимости мишій: раздражительность смѣшная во всякомъ другомъ писакѣ, но въ Видокѣ ушннншительная, ибо видимъ изъ нея, что челоуеческая природа, въ самомъ гнусномъ своемъ уничиженіи, все еще сохраняетъ благоговѣніе передъ понятіями, священными для челоуеческаго рода.

Предлагаетъ важный вопросъ:

Сочиненія шпіона Видока, палача Самсона и проч. не оскорбляють ни господствующей Религии, ни Правительствва, ни даже нравственности въ общемъ смыслѣ

этого слова; совсѣмъ стѣмъ, нельзя ихъ не признавать крайнимъ оскорбленіемъ общеснвеннаго приличія. Не должна ли гражданская власть обратиться мудрое вниманіе на соблазнъ новаго рода, совершенно ускользнувшій опъ предусмотрѣнія законодательства?

Требуеть ли публика извѣщенія, что шакай-по Журналистъ не хочеть больше снимать шляпы передъ шакимъ-по Поэтомъ или Прозаикомъ? Конечно нѣтъ, но Журналистъ объ эптомъ публикуеть, чтобъ его поварищъ, получающій по пріязни даромъ листки его (къ кошорому бы не мѣшало ему лучше зайши мимоходомъ, да словесно объявить о шомъ) узналъ эту важную для нихъ новость. Впрочемъ шакаія извѣщенія излагаются ипогда съ нѣкопорою дипломатическою важностию. Въ одномъ Московскомъ Журналѣ вошь какъ опзываются о книгѣ, въ кошорой собраны шапши разныхъ писателей. „*Она не блестятъ именовали знаменитаго созвездія Рускихъ Поэтовъ и Прозаиковъ. Жалеть ли объ этомъ? По крайней мртъ, мнѣ не пожалеть.*“ Эпши господа мнѣ другъ друга вѣрно понимаютъ; но до вѣрчивому, скромному и благомыслящему чинателю понятъ здѣсь нечего. Какъ можно не пожалеть, что въ книгѣ нѣтъ ни одной шапши, написанной челоукомъ съ опличнымъ талантомъ? Наконецъ всего смѣшнѣе, что и самъ Кришикъ, сначала обѣщавшій не жалеть объ эптомъ, признаеть послѣ, что въ этой книгѣ, кошорой ему не хотѣлось было осуждать, нѣтъ ни одной шапши пушной: въ 1-й шапшѣ нѣтъ общности; во 2-й Авторъ не умѣеть разсказывать; 3-ю чинашь скучно; 4-я шапшая пѣсня; въ 5-й надѣдають Офицеры съ своимъ пишеть, вдою, чаемъ и шрубками; 6-я перепечатана; 7-я по же и шакъ даље. Вошь до какого противорѣчія доводяшь личности. Ужели названія *порядошаго* и *здоровомыслящаго* челоука лишились въ наше время цѣны своей?

ОПЕЧАТКИ ВЪ №. 19.

Стран.	шолбц.	спрок.	напет.	читай.
149	2	16	Тудоник	Тудоник

Печаташь позволяеться. Санктпетербургъ, Апрель 5-го дня 1830 года. Ценсоръ *И. Щеглова*.

Печатано въ типографіи Карла Крайя.